

тогда, когда стали сажать коммунистов. А когда истребляли крестьянство, она считала это вполне естественным». В этой ситуации книга Г. начинает распространяться в самиздате. В янв. 1967 первая часть «Крутого маршрута» выходит в свет в Милане, затем публикуется во Франкфурте-на-Майне; чтение книги начинается транслировать русская служба Би-би-си. После этих событий, «в целях самозащиты» (Г.), автор дает интервью итальянской газ. «Унита», в котором делает заявление: «Книга издана за границей без моего ведома и согласия».

«Крутой маршрут» продолжил линию автобиографической, мемуарной прозы Г. Основной книги стал страшный личный опыт писательницы, проведшей 18 лет в тюрьмах, лагерях и ссылке. Автору неоднократно задавался вопрос: как вы смогли удержать в памяти такую массу имен, фактов, названий местностей, стихов? Г. отвечала: «...потому что именно это — запомнить, чтобы потом написать — было основной целью моей жизни в течение всех 18 лет». Свою авторскую задачу Г. определила так: раскрыть перед читателем внутреннюю душевную эволюцию героини, «путь превращения наивной коммунистической идеалистки в человека, основательно вкусившего от древа добра и зла, человека, к которому через все новые утраты и мучения приходили и новые озарения (пусть минутные!) в поисках правды. И этот внутренний „крутой маршрут“ мне важнее донести до читателя, чем простую летопись страданий».

В конце 1960-х — начале 1970-х Г., по свидетельству Л. Копелева, занималась переводами с немецкого: переводила письма композитора Шумана и тексты Б. Брехта к балету «Семь смертных грехов».

В 1976 Г. вместе с сыном В. Аксеновым получила разрешение на поездку в Париж «для лечения». В Париже Г. чувствовали и в ПЕН-клубе, и в редакции газ. «Юманите». Кроме Парижа, Г. посетила Ниццу. Во Франции она встречалась с М. Шагалом, В. Некрасовым, В. Максимовым, А. Синявским, Е. Эткингом. Возвращаясь в Москву, побывала в Кельне у Г. Белля. Впечатления от этой поездки легли в основу очерка **«Смотрят морды чудовищ с высоты Notre Dame. Воспоминания о Колыме на бульваре Распай»**, опубликованного в отечественной печати впервые в 1994.

«Крутой маршрут» впервые был опубликован в СССР в эпоху «перестройки» в 1988–89 в ж. «Даугава». Приветствуя появление книги Г., А. Рыбаков писал: «Это страшная книга и это прекрасная книга. Она

разверзла перед нами бездну человеческих страданий и показала величайший образец несгибаемости человеческого духа». И продолжал: «Эту книгу написал свидетель честный и беспощадный. С каждой страницей он погружает нас в царство беззакония и произвола, в мир унижений, пыток, холода, голода, смерти, в ад великого ужаса, погубившего миллионы людей и внушившего неистребимый страх оставшимся в живых».

В. Быков, предвзято публикуя книгу Г., назвал ее «незаурядным произведением литературы». Он писал: «Вещи, о которых здесь идет речь, с трудом постигаются обычным человеческим сознанием, хотя при чтении этих строк нигде не возникает и тени сомнения в их искренности и достоверности — правда вопиет из каждого слова во всей своей наготе и неотвратимости».

По книге Г. в Московском театре «Современник» был поставлен спектакль «Крутой маршрут» (реж. Г. Волчек).

Соч.: Так начиналось... Записки учительницы. Казань, 1963; Единая трудовая... // Юность. 1965. № 11; Студенты двадцатых годов. // Юность. 1966. № 8; Юноша: документальная повесть // Юность. 1967. № 9; Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. Кн. 1. Milano, 1967. Кн. 2. Milano, 1979; Крутой маршрут. Кн. 1. Frankfurt; M., 1967; Крутой маршрут // Даугава. 1988. № 7–12, 1989. № 1–6; Крутой маршрут: фрагмент // Юность. 1988. № 9; Крутой маршрут. Рига, 1989; Крутой маршрут. M., 1990; Крутой маршрут. M., 1991; Смотрят морды чудовищ с высоты Notre Dame. Воспоминания о Колыме на бульваре Распай // Лит. газ. 1994. 21 дек. С. 14.

Лит.: Невская Б. Начало пути // Дружба народов. 1964. № 12; Рахманин Б. Долгое двадцатилетие // Лит. газ. 1967. № 48; Белль Г. [Предисл. к книге «Крутой маршрут»] // Синтаксис. Paris. 1980. № 8; Копелев Л., Орлова Р. Евгения Гинзбург в конце крутого маршрута // Даугава. 1989. № 6; Литвин А. Два дела Евгении Гинзбург // Горизонт. 1991. № 4; Два следственных дела Евгении Гинзбург: сб. материалов. Казань, 1994; Кораллов М. М. Декабрь и далее всегда. Евгения Гинзбург: воспоминания // Сегодня. 1995. 22 июля.

В. Е. Васильев

ГИППИУС Владимир Васильевич (псевдонимы Вл. Бестужев, Вл. Нелединский) [15(27). 7.1876, Химки, близ Москвы — 5.11.1941, Ленинград] — поэт, прозаик, лит. критик.

Родился в семье чиновника. Предки Г. — немецкого происхождения. Учился в 6-й петербургской гимназии, в которой сблизился с Александром Добролюбовым. Оба они, влияя друг на друга, пытались сочинять стихи в

В. В. Гиппиус

духе нарождавшейся «декадентской» поэзии. Позднее Г. вспоминал: «В 1893–1894 г. два петербургских мальчика-гимназиста стали проповедовать повсюду... новую литературную веру, известную уже по имени Метерлинка и носившую самую пренебрежительную кличку „декадентство“, ни в ком не вызывая серьезного к себе отношения» (Гиппиус Вл. Александр Добролюбов // Русская лит-ра XX в. 1890–1910. М., 1914. Т. 1. С. 272).

Печататься начал в 1892 (стихи в газ. «Север». 18 окт.). В 1895 поступил на историко-филол. ф-т Петербургского ун-та. В 1894–95 Г. познакомился с В. Брюсовым, Ф. Сологубом, Н. Минским. В Брюсов почти восторженно отзывался о нем в своем дневнике в апр. 1896: «...о, это человек победы! Он горд и смел и самоуверен. Через год он будет читаться, через пять лет он будет знаменитостью» (Брюсов В. Дневники. 1891–1910. М., 1927. С. 24). Внимательно следил за творчеством Г. и Ф. Сологуб. Знаменательна дарственная надпись в первой книге Г. «**Песни**» (1897), преподнесенной им Ф. Сологубу: «Любезному Федору Кузьмичу Сологубу от единомышленного автора. 18/X 1896» [экземпляр хранится в б-ке ИРЛИ]. В этом сб. стихов и «стихотворений в прозе» юный поэт экспериментировал в поисках новых форм для выражения своих смутных настроений, зыбких переживаний мистического характера, мотивов духовной отверженности, одиночества и др. Характерны, например, строки из стих. «**Requiem**» (1895): «Безмолвие

строгих речей навсегда — одиноко... / Не пройден ли путь?» В произведениях сб. ощутимо влияние, с одной стороны, лирики Фета, а с другой, вероятно,— образцов западных поэтов-новаторов: Э. По, Ш. Бодлера, М. Метерлинка и др. Сб., однако, не принес Г. удовлетворения. Во второй половине 1890-х он постепенно разочаровывается в основных идейно-эстетических положениях «декадентского» искусства. Позднее он даже был склонен противопоставлять себя А. Добролюбову той поры, подчеркивая: «Добролюбов был декадент без упрека, беззаветный, я скорее символист, потому что символизм это уже измена декадентству, это уже соприкосновение одним концом с религией, с верованиями; символизму есть выход и к жизни, и к природе, и к общественности. Декадентство — крайнее самоутверждение личности, угрюмо-эстетическое, совершенно замкнутое. Это предел всякого самообособления...» [Русская лит-ра XX в. 1890–1910. М., 1914. Т. 1. С. 272]. Отречению Г. от крайностей декадентства в определенной мере способствовали Мережковские, которые сами в середине 1890-х пережили сходную метаморфозу.

В альм. «Северные цветы на 1901 г.» Г. опубликовал цикл из 5 стих. за подписью «Владимир Г...ъ», после чего длительное время стихов не печатал. По окончании ун-та главным образом посвятил себя преподавательской деятельности, рассматривая ее как «дело общественного обновления России»; работал в женской гимназии М. Н. Стоюниной и в Тенишевском училище (со временем заслужил высокую репутацию одного из лучших учителей-словесников Петербурга; среди его учеников были О. Мандельштам и Вл. Набоков).

На рубеже 1900–10-х Г. возвращается в лит. жизнь. Приметой этого возвращения стала публикация в ж. «Русская мысль» (1909. № 4; под псевд. «Вл. Бестужев») цикла «**Из книги „На семи путях“**». Под тем же своим основным псевдонимом Г. издал в 1912 сб. «**Возвращение**», который включал лирико-философские произведения 1896–1906. Одним из самых значительных в книге можно назвать раздел «Безнадежность», куда вошли такие глубокие стих., как «**Дни и сны**» («Проходят дни и сны земные...»), «**Все пройдет, что плотью было...**» (этот ранний текст поэта еще в 1890-е получил высокую оценку Брюсова), «**Нет отречения в отреченьи...**», «**Ты слышишь — как в реке холодной...**» и др.

К 1912 относится примечательный эпизод обмена стихотворными посланиями между Г.

и Блоком. Начало было положено Г., который написал стих. **«Александр Блоку»**, явившееся откликом на известное стих. поэта «Все на земле умрет — и мать, и младость...» (1909). Автор послания отвечал на следующие строки блоковского текста: «И к вздрагиваниям медленного хлада / Усталую ты душу приучи, / Чтоб было здесь ей ничего не надо, / Когда оттуда ринутся лучи». Г., полемизируя, писал: «Ты думаешь — они оттуда ринутся? / Мне кажется, что — нет... / <...> Ты понял ли, что все уже известное / Лишь неизвестно нам,— / Что мы идем в стране уже прелестной, / Но горестной очам...» Скорым ответом Блока было стих. «Владимиру Бестужеву» («Да, знаю я: пронзили ночь от века...»), в последней строфе которого он вновь утверждал: «Но страннику, кто снежной ночью полон, / Кто загляделся в тьму, / Приснится, что не в вечный свет вошел он, / А луч сошел к нему». В свою очередь Г. откликнулся циклом **«Александр Блоку»**, состоящим из 4 стих.: **«Таинственно люблю — и знаю сладость в розах...»**, **«Да, все признать! и безрассудно верить...»**, **«Но мы забыли чувственную прелесть...»**, **«Да, все признать!.. любить с тоской пристрастной...»**. Эта поэтическая переписка Г. и Блока была опубликована в ж. «Гиперборей» (1912. № 2. Ноябрь.) (подробнее см.: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 542–543, 553–554).

В 1915 вышла в свет брошюра Г. **«Пушкин и христианство»**, в которой он стремился показать жизнь и творчество поэта как проявление истинно христианских начал при всей противоречивости и стихийности его натуры.

В середине 1910-х Г. опубликовал поэму **«Влюбленность»** (1916), сб. **«Ночь в звездах»** (1915), **«Томление духа»** (1916). Жанр произведений последнего из них поэт обозначил как «вольные сонеты». Брюсов в очень сдержанной рецензии на книгу, в частности, отмечал: «Автор излагает свои мысли о современных поэтах, об Италии и Англии, о религии и смерти, но остается непонятно, зачем каждое такое размышление укорочено до 14-ти строк или растянуто на это число стихов. Впрочем, в книге есть отдельные неплохие стихи, автор способен и любит мыслить, в манере его письма чувствуется некоторая „школа“...» (Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. М., 1990. С. 480). Из последующих публикаций наиболее заметной следует считать поэму **«Лик человеческий»** (1922) — «опыт духовной автобиографии» (А. В. Лавров).

У Г., конечно, не было такой широкой известности, как у Брюсова, Бальмонта, Ме-

режковского, З. Гиппиус, Блока. Однако в кругу модернистов начала века его хорошо знали и ценили как одного из поэтов-новаторов, одаренного лирика философского склада. Неслучайно Вл. Набоков в своих мемуарах **«Другие берега»** обмолвился о нем: «тайный автор замечательных стихов».

Соч.: Возвращение. СПб., 1912; Томление духа. Пг., 1916; Лик человеческий. Пг.; Берлин, 1922; [Стихт] / публ. Е. Биневица // Новый ж. 1993. № 3. С. 126–131.

Лит.: Иванов-Разумник Р. Три богатыря // Летопись Дома литераторов. 1922. № 7; Иван Коневской. Письма к Вл. Гиппиусу / публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979; Пять писем Брюсова к Вл. Гиппиусу / подг. текста и прим. Э. Литвин // В. Брюсов и лит-ра конца XIX — нач. XX в. Ставрополь, 1979; Тименчик Р. Вл. Гиппиус // Родник. 1988. № 4; Биневиц Е. ...Тайный автор замечательных стихов // Новый ж. 1993. № 3. С. 121–125.

В. Н. Быстров

ГИППИУС Зинаида Николаевна (псевдоним Антон Крайний и др.; в замужестве Мережковская) [8(20).11.1869, г. Белёв Тульской губ.— 9.9.1945, Париж; похоронена на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем] — поэтесса, прозаик, лит. критик, мемуарист, драматург.

Семья Г. ведет начало от немца Адольфуса фон Гингста, изменившего фамилию на «фон Гиппиус» и обосновавшегося в Москве в начале XVI в., где в Немецкой слободе им

З. Н. Гиппиус